

Сомерсет Моэм: Оглядываясь назад

Литературное расследование биографии английского писателя

Уильям Сомерсет Моэм (25 января 1874 - 16 декабря 1965) - английский писатель, один из самых преуспевающих прозаиков 1930-х. Он создал двадцать пять пьес, двадцать один роман и более ста рассказов. Его прославленные комедии, такие, как *«Круг»*, *«Верная жена»*, не отступают от канонов английской «хорошо сделанной пьесы».

Что мы еще о нем знаем?

Родился будущий писатель 25 января 1874 в Париже, в семье юриста британского посольства во Франции. С детства лучше говорил на французском, чем на английском. В 10 лет остался сиротой и был отправлен в Англию, где поселился у своего дяди. Окончил школу Кингзкул в Кентербери, учился в Гейдельбергском университете, затем шесть лет изучал в Лондоне медицину.

В 1897 получил право заниматься врачебной практикой, но оставил медицину вскоре после того, как были опубликованы его первые литературные произведения. В 1897 вышел первый роман Сомерсета Моэма *«Лиза из Ламбета»*, основанный на впечатлениях, полученных во время медицинской практики в бедном квартале Лондона, а в 1903 была поставлена первая пьеса – *«Человек чести»*. Первый успех принесла пьеса *«Леди Фредерик»*, поставленная на сцене в 1907.

...Из-за маленького роста (152 см) Моэма признали негодным к строевой службе и он не попал на фронты Первой мировой войны. Устроился шофером в Красный Крест. В 1915 году на него обратил внимание офицер из Секрет Интеллидженс Сервис (СИС) и завербовал в качестве секретного агента.

Кандидатура Моэма как нельзя лучше подходила для работы за пределами Туманного Альбиона. Во-первых, он, прожив несколько лет во Франции и Германии, свободно владел немецким и французским языками. Во-вторых, у него было реальное прикрытие - литературная деятельность.

Моэм почти год находился в Швейцарии, где вел наблюдение за лицами, подозреваемыми в шпионаже в пользу Германии. Поддерживал контакты с представителями различных спецслужб союзников. Регулярно направлял в СИС подробные отчеты и одновременно работал над пьесами.

Весь период с 1914-1918 Сомерсет Моэм являлся агентом британской разведки, в том числе в России, откуда был выслан за деятельность, несовместимую со статусом дипломата.

В 1928 Сомерсет Моэм поселился во Франции, в местечке Сен-Жан-Кап-Ферра. Умер 16 декабря 1965 во Франции - в Сен-Жан-Кап-Ферра (по другим источникам - в Ницце).

Все эти хрестоматийные сведения есть в литературных энциклопедиях и официальных биографиях Моэма. Автобиография Моэма *«Оглядываясь назад»* публиковалась только частями, отдельным изданием никогда не выходила.

И вот совсем недавно попала мне в руки книга, действие которой сравнимо с хорошей шокотерапией:

Морган Т. Сомерсет Моэм. Биография/ Тэд Морган.- М.: Изд-во И.В. Захаров, 2002.

Известно, что когда Моэм составлял завещание, он просил всех, у кого есть его письма, уничтожить их. Он также обязал своего душеприказчика **С. Кертиса Брауна** не оказывать содействия тем, кто попытается издать его биографию.

Теду Моргану удалось невозможное: душеприказчик писателя не только

санкционировал выход этой книги, но и снабдил автора дополнительными документами и фактами, которые Моэм скрывал от всех многие годы. Результат многолетней работы Теда Моргана - беспощадно правдивая и безупречно объективная история жизни «благоразумного сноба», как сам себя называл У. Сомерсет Моэм.

Давайте и мы с вами вместе с читателями **библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК** и активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»**, основываясь на фактах, изложенных в книге Теда Моргана, проведем свое независимое литературное расследование.

Давайте попробуем посмотреть, каким человеком был Сомерсет Моэм, известнейший писатель, рано научившийся зарабатывать на жизнь пером (в Англии это мало кому удавалось!) и всего добившийся собственным трудом и талантом.

Изо всех сил постараюсь не перетряхивать перед всем миром его «грязное белье», а просто выяснить, почему он ненавидел свою жену, почему отказал в праве на наследство своей дочери и даже судился с ней? Зачем хотел усыновить своего секретаря **Алана Серла**? Какова психологическая причина его женоненавистничества и непонятных для окружающих поступков?

Вполне допускаю, что даже у суперизвестного, суперпопулярного писателя что-то должно быть за кадром. Ведь в истории литературы остается только авторское творчество, все остальное - или пыль и пух, или личное дело человека.

Все ушедшие известные писатели, для нас, потомков, в некотором роде памятники. Мне, библиотечарю, всегда хочется не позолоту с них соскребать, но только пыль сметать, да голубей гонять метлой. А памятник пусть стоит, как стоял, и не шатается.

От книг Моэма невозможно оторваться! А потому всю голову изломала, как корректнее преподнести его биографию... Для меня он стоит на одной доске со Стефаном Цвейгом и Ги де Мопассаном.

Что делать?.. Что делать?.. Как суметь не снизить образ писателя, но при этом не врать? От замалчивания советских времен люди устали, читать газетный стиль с кучей штампов неинтересно. Зато всегда любопытно знать, чем вызваны те или иные отклонения в поведении выдающегося человека, почему его поступки даже спустя почти пятьдесят лет после смерти вызывают споры или осуждение обывателей.

Всему есть объяснение, просто мы не всегда улавливаем мотивы, но тут же кидаемся осуждать. А зачем? Люди - они и есть люди. И каждый имеет право на ошибку, чужие ничему не учат.

В данном случае речь идет о том, что, действительно, важно и нужно собирать и сохранять наследие Сомерсета Моэма, открывая при этом все новые и новые грани его жизни и творчества. Тогда картина станет цельной, а человек - объект исследования - проявится в ней не мифотворческий, а реальный.

Цель таких моих литературных расследований не столько в том, чтобы читатели запомнили авторское имя и заинтересовались творчеством, сколько в том, чтобы знали, понимали и видели масштаб личности, чтобы могли прикоснуться к тому, что ранее не видели и о чем не слышали.

Все мы родом из детства...

...Сомерсет Моэм рос очень несчастливым ребенком. Родился он не в Лондоне, а в Париже, на территории британского посольства. Его отец, **Роберт Ормонд Моэм**, был юристом и имел консультационную контору во французской столице.

До десяти лет крупнейший английский писатель гораздо бойчее болтал по-французски, а по-английски изъяснялся с трудом. В десять лет Уилли остался круглым сиротой.

Его мать, **Эдит Мэри**, всю жизнь страдала чахоткой, а зимой 1882 года она умерла после родов очередного ребенка. Сомерсет хорошо помнил последнюю неделю жизни матери и очень эмоционально вспоминал об этом даже несколько десятков лет спустя.

Он так и не смог забыть белое лицо матери, такое же белое, как подушки, на которых она лежала. Наверное, Эдит Мэри умела быть нежной с мальчиком, если даже в престарелом возрасте тот вспоминал, как она ласкала его!

Каждое утро перед дверями парижской квартиры Моэмов останавливалась вереница осликов - чахоточная мать Уилли должна была по совету врачей пить ослиное молоко. Уилли разрешалось гладить животных, кормить их, изредка - покататься. Всю жизнь Моэм обожал ослиное молоко - видимо, в память о матери.

За месяц до смерти миссис Моэм встала с постели, оделась во все черное, взяла Уилли за руку, и, усевшись в карету, они поехали в фотостудию. Мать, предчувствуя свою смерть, пожелала, чтобы у любимого младшего сына осталось на память ее изображение. На фотографии хрупкая большеглазая красавица силилась улыбаться, хотя глаза ее смотрели печально.

У Моэма было еще два старших брата, но, по его словам, он совсем не помнил их в детстве. У него осталось чувство, что мать целиком сосредоточилась только на нем одном. Может, так оно и было: братьев рано отдали в какие-то закрытые школы.

Через два года после кончины матери от чахотки умер отец Уилли. Болезненного впечатлительного мальчика больше некому было любить.

Бездетные родственники - дядя и тетка - увезли сироту в Англию, в городок Уитстейбл, графство Кент. Дядя - **Генри Моэм** - служил там викарием прихода Всех Святых. Именно переехав в Англию, Моэм начал заикаться, и этот недостаток сохранился у него на всю жизнь.

В Королевской школе, куда отдал его дядя, Уилли не прижился. Достаточно только взглянуть на детские фотографии Моэма, чтобы понять, что происходило в душе мальчика: маленького роста, некрасивый, со слишком большой головой и беспомощно-растерянными глазами. Его наверняка дразнили.

Защититься от смерти - стать врачом

В школе Моэм не доучился, бросив ее по собственной инициативе. Родственники не препятствовали, так как думали, что мальчишка скоро умрет от наследственного туберкулеза. Моэм рассказывал, что долгое время и сам в этом не сомневался, а чтобы как-то «защититься от смерти», решил стать врачом. В восемнадцать лет он поступил на учебное отделение больницы Святого Фомы в Лондоне. Экзамены были не слишком суровыми, и он легко подготовился к ним самостоятельно.

Низкорослый, некрасивый и к тому же заикающийся студент-медик Уилли Моэм ежедневно торопливо спешил по длинным, выкрашенным темно-красной краской коридорам старинной лондонской больницы Святого Фомы, что на южном берегу Темзы. Совсем недавно газовые лампы и свечи здесь заменили на электричество, это было непривычно и неудобно.

Охотнее всего Моэм занимался акушерством. Согласно расписанию учащимся полагалось присутствовать при двадцати родах; Моэм принял роды шестьдесят три раза! И это всего за три года обучения!

Его дочь Лиза впоследствии всегда страшно удивлялась и спрашивала отца: что же он находил такого привлекательного в родах? Тот никогда не отвечал, а только молча пожимал плечами.

Иногда с Моэмом приключались странные и смешные казусы. Например, частенько его соученики по медицинской школе похвалялись своими любовными похождениями. Чтобы не отстать от всех, юный Моэм однажды отправился на Пикадилли, где ровно за унт купил себе на ночь невзрачную длинноносую девицу, попросив ее

коротко «*лишить его девственности*». Девушка честно отработывала поручение клиента, когда, взглянув на часы, прыщавый юнец возопил:

- *О, она уже рожает! Она рожает!*

Торопливо достав из кармана висевших на стуле брюк фунт, Моэм неловко бросил деньги на колченогий стол и, не обращая внимания на девушку, стал поспешно одеваться.

- *Ваша жена рожает?* - посмела полюбопытствовать девушка.

- *Да какая жена? Пациентка рожает,* - уже в дверях бросил странный клиент.

Со слов бывших однокашников Моэма, когда пациентка умирала - а такое случалось нередко, - Моэм плакал. Когда выживала - делался с ней столь грубым, что нередко женщины жаловались на него.

Зигмунд Фрейд, психоанализ которого в середине века был в моде, объяснил бы такое поведение будущего писателя (и вообще его интерес к родам) тем, что от этого умерла его собственная мать, единственная женщина, безоговорочно любившая его и пользовавшаяся его взаимной любовью. Если роженица умирала - Моэм в ее лице снова оплакивал мать, если выживала - ему хотелось мстить ей.

Возможно, именно поэтому Моэм предпочитал мужчин - из-за желания отомстить всем женщинам за то, что они выжили, а его мать умерла, то есть предала его. Может быть, именно поэтому он так подозрительно и агрессивно относился к беременностям и родам своей дочери?

Но ... обо всем по порядку.

Итак...

Я всегда ненавидел твою мать и тебя!

Стояло жаркое сухое лето 1962 года. Лиза Хоуп ждала отца в гостиной, а потом они поднялись к нему в кабинет, выходящий окнами на море. Лиза не любила этот дом отца - великолепную виллу под названием «*Мореск*» на Французской Ривьере, где обожали гостить друзья Моэма.

На лестнице им встретился Алан Серл, секретарь писателя. Его лоснящееся жирное лицо со свинными глазками всегда было противно Лизе.

- *О, доченька навестила папашу! Похвально, похвально,* - пробормотав эту мерзость, - а в его устах все превращалось в мерзость, - Алан исчез.

Отец и дочь уселись друг против друга. Моэм был в застегнутом на все пуговицы строгом сюртуке. Лицо плоское, широкое, в пигментных пятнах, высокомерные темные глаза, брезгливо опущенные вниз уголки губ. Лиза внимательно рассматривала отца: нет, на слабоумного он не похож.

- *Как ты мог это сделать, папа?*

- *Я всегда ненавидел твою мать, да и тебя тоже, ведь ты ее дочь, не так ли?* - холодно произнес Моэм, жуя сухими потрескавшимися губами,

Лиза бросилась к дверям. Лакей, боясь смотреть ей в лицо, поспешно открывал двери. Когда она уже почти бежала по дорожке сада к машине, откуда-то из-за кустов роз вынырнула гнусная физиономия Алана.

- *Съела?* - еле слышно прошипел он.

В Лондоне в своем доме на Челси-сквер Лиза, не отвечая на вопросы домашних, заперлась в спальне. Рухнув в кресло, он долго сидела, не снимая ни перчаток, ни головного убора. Потом принялась плакать. Просто тихо, жалобно всхлипывать.

Многим англичанам лето 1962 года запомнится пестрыми газетными заголовками: «*Моэм лишил наследства единственную дочь!*», «*Моэм порвал с дочерью отношения, обвинив ее во всех смертных грехах!*»

Примерно месяц назад адвокат писателя прислал ей официальное уведомление, что тот отбирает у дочери все сделанные ей когда-либо подарки! Лиза не верила своим глазам. Какая муха укусила ее отца? Самыми ценными его подарками были картины великих

художников, которые он покупал на Лизино имя, и она считала их своей собственностью. Он хочет их отнять? А вот теперь старик собирается и вовсе лишить ее наследства!

Лиза, конечно, подозревала, что за всем стоит Алан Серл. Леди Хоуп не хотела предавать дело огласке и потому предприняла утомительное путешествие на ненавистную ей французскую виллу Моэма, чтобы с глазу на глаз выяснить с родителем отношения.

Но теперь ей никогда не удастся забыть, с какой неподдельной ненавистью отец выпалил ей, как он относится к ней и ее матери. То, что он не выносил маму, еще можно понять: к бывшим женам не часто сохраняют теплые чувства. Но чем она-то заслужила его ненависть?

На самом деле не так уж много внимания за всю жизнь уделил ей отец! Это Лиза постоянно помнила о его датах, беспокоилась о здоровье, навещала его, писала ему, чтобы он не чувствовал себя одиноким, обделенным вниманием семьи.

На следующий день после своей поездки к отцу леди Хоуп сделала заявление для прессы:

- Да, я решила выяснить отношения с моим отцом Сомерсетом Моэмом в суде. Нельзя сидеть, сложа руки, когда тебя лишают дочерних прав. Это не только вопрос чести и достоинства. Это касается моих детей.

У Лизы было четверо детей: двое от первого брака, с дипломатом **Винсентом Паравичини**, и двое - от второго, с бизнесменом сэром **Джоном Хоупом**.

Очередные сюрпризы

Однако, дочь Моэма ждал еще один сюрприз. Вскоре после ее тягостного свидания с отцом адвокат Моэма сделал заявление для прессы: его клиент усыновил своего секретаря Алана Серла! И предположительно все наследство перейдет к нему. В одной из газет появилась карикатура: Моэм качает на руках огромного толстого Алана; под карикатурой подпись: *«Сегодня он в первый раз сказал: «Папочка!»*

Взбешенная Лиза немедленно позвонила адвокату своей матери - мистеру Дошу. В его преданности и компетентности Лиза не сомневалась. Однако для начала Дош по почте прислал леди Хоуп большой конверт и попросил ознакомиться с его содержимым до их первой встречи, заметив, что это очень важно.

В конверте оказалась рукопись автобиографии Моэма *«Оглядываясь назад»*. Судя по дате, Моэм написал ее совсем недавно. К рукописи была пришпилена записка издателя отца, господина **Фрира**, адресованная, по всей видимости, его редактору: *«Передайте многоуважаемому господину Моэму, что я эту мерзость печатать не буду»*. И крючковатая подпись.

Лиза оторопела: насколько ей было известно, Александр Фрир благоговел перед творчеством Моэма и боролся с конкурентами за право напечатать каждую его строчку. Любопытно...

Миссис Хоуп торопливо извлекла из толстого конверта довольно-таки объемистую рукопись. По мере того, как Лиза читала, волосы у нее становились дыбом. Это был злобный, мерзкий и мелочный пасквиль, направленный в первую очередь против ее несчастной матери, которая некогда имела неосторожность стать женой Моэма и умерла несколько лет назад. Лиза была очень привязана к матери и продолжала ее оплакивать.

Леди Хоуп глубоко оскорбляло каждое слово, написанное отцом. Впрочем, в этом произведении Моэм ни к кому не был добр. Он нарисовал одни только безобразные, уродливые портреты, словно ему в сердце, как андерсоновскому Каю, попал осколок кривого зеркала.

«Злосчастное знакомство» с Сири Уэллком

...Моэм, например, вспоминал знакомство с Лизиной матерью - **Сири Уэллком**, произошедшее в 1911 году. Оказывается, Сири была нескладной, не умела одеваться и отличалась крайней невоспитанностью. А для Моэма всегда имели значение безупречный костюм и благовоспитанность!

Лиза стала соображать. 1911 год... О, ее отец уже был хорошо известен как писатель. К тому времени вышли многие его рассказы, первые романы, а самое главное, театры начали ставить его пьесы: например, *«Леди Фредерик»* с успехом шла в Лондоне.

У Лизы сохранилось множество фотографий тех лет: на них отец выглядел образцовым джентльменом: безупречный костюм, трость, трубка... Однако ни на одной фотографии на лице Моэма не проглядывало и тени улыбки. Пугал и взгляд - ледяной, высокомерный и неподвижный.

Мать с отцом познакомились у общих друзей, и Моэм пригласил Сири Уэллком в театр на свою пьесу *«Земля обетованная»*. От матери Лиза знала, что Сири влюбилась в Моэма с первого взгляда; она по-женски полагала, что гораздо важнее привлекательно выглядеть на первом свидании, нежели успеть к началу спектакля. Бедная мама не учла, что ведь показывали Ею пьесу!

Сири провертелась перед зеркалом несколько часов, примеряя платья и шляпки, и опоздала в театр. Протискиваясь в ложу к Моэму, она ждала, что тот оценит ее усилия понравиться ему. Не взглянув на нее и едва поцеловав руку, он произнес полагающееся: *«Мадам, вы неотразимы»*. Однако его глаза и мимика не подтвердили комплимента, чувствовалось, что он едва сдерживал раздражение.

В своих мемуарах Моэм писал, что Сири в тот вечер бы похожа на *«вырядившуюся к рождественскому столу индюшку, готовую для употребления»*.

Лиза вздохнула. Ее мать была слишком живая, слишком непосредственная женщина. Легкомысленная, это правда. Он написал, что к моменту их *«злосчастного знакомства»* Сиси Уэллком была замужем, но муж прогнал ее из-за многочисленных измен и отнял у нее их сына **Генри**.

Бедная мама! Действительно, к тому времени она рассталась со своим жестоким мужем, американцем **Генри Уэллкомом**, который был в два раза старше ее. Сири рассказывала Лизе, что тот был властный, грубый и бил ее за малейшую провинность. К этому она не была приучена.

Сири выросла в странной семье благотворителей-идеалистов. Ее отец, **Томас Джон Барнардо**, врач по профессии, организовывал по всей Англии бесплатные дома для беспризорных. В родительском доме Сири в Суссексе вместе с ней, единственным ребенком, воспитывалось еще двадцать бездомных девочек. По методу доктора Барнардо их никогда не наказывали и только хвалили. Сири признавала, что, возможно, родители испортили ее, привив вкус к безнаказанности и любовь к лести и удовольствиям.

В одном, конечно, отец Лизы прав: ее мать всегда была слишком любвеобильной женщиной, Ясно, что такую хорошенькую, жизнерадостную, кокетливую брюнеточку, какой была Сири в молодости, мужчины просто не могли не любить. Жаль, что Лиза некрасива и совсем не похожа на мать.

Когда Сири встретила Моэма, ее любовником был **Гордон Селфридж**, владелец всемирно известного магазина на Оксфорд-стрит. В этом магазине Сири Уэллком пользовалась, разумеется, неограниченным кредитом. Как-то раз она потащила Моэма в этот магазин за подарком на Рождество:

-Выбери себе что пожелаешь, дорогой, на любую сумму, я тебе подарю!

Сири от всей души хотела доставить возлюбленному удовольствие! Конечно, отец с негодованием отверг ее предложение:

-Ведь Селфридж ваш любовник! Как вы можете?

-Но я уже порвала с ним. Сказала ему, что люблю вас.

Моэм писал, что он оцепенел при мысли, что сейчас *«эта доступная всему свету корова, перебивавшая в постели у большинства его знакомых»*, разнесет по Лондону, что у них связь».

Лиза содрогнулась от этой грубости. А разве у них не было связи и не сам отец, провозжая Сири в карете домой в Ридженс-парк, предложил ей стать его любовницей?

Оказывается, Моэм таким образом... просто хотел отомстить некоторым друзьям. Больше всего на свете Лизе хотелось швырнуть непристойные листки в камин. Но нет, теперь уж она дочитает!

Что за времена? Что за нравы?

В рукописи автобиографии Моэм ругал вольность английских нравов, наступившую после смерти Эдуарда VII в 1910 году. Он просто брызгал слюной, возмущаясь, что в палату общин был направлен закон о даровании женщинам, *«этим неверным безмозглым ослицам»*, избирательных прав! Возмущенно приводил знаменитую цитату маркизы **Рипон** о новых временах: *«Раньше жены прятали фотографии любовников и ставили на камин фотографии мужей. Ныне они демонстрируют фотографии любовников, а фотографии мужей засовывают на дно сундука»*.

Моэм утверждал, что в этом времени он чувствовал себя весьма неуютно, ему, мол, всегда хотелось только домашнего очага и верную спутницу, но за всю жизнь он не встретил ни одной особы прекрасного пола, которой мог бы доверять. Поэтому он прозябал один в своей огромной квартире в лондонском Мейфэре.

Гонорары росли с каждой новой книгой, он вполне мог бы позволить себе содержать семью. Моэм вел светскую жизнь и едва ли не ежедневно знакомился с новыми людьми, в том числе, конечно, и дамами. Писателя принимали и в светском, и в артистическом обществе. Он бывал на богемных вечеринках у **Вайолет Хант** и регулярно ужинал с графиней **Ловлас**. Позднее он станет завсегдатаем вечеринок **Черчилля**.

«Мой Сфинкс» или старая кокетка?

Дойдя до описания многолетней любовницы отца **Ады Леверсон**, Лиза брезгливо поежилась. Моэм продолжал встречаться с ней во время связи с Сири. Знаменитая писательница-феминистка Ада Леверсон была колоритнейшей фигурой в Лондоне, и многие почитали за честь быть представленными ей.

Моэм самодовольно вспоминал, что «осчастливил» Аду, после того как та заявила ему, что он похож на **Уайльда**. Его Моэм боготворил.

В подтверждение своей благосклонности Ада подарила Моэму первое издание поэмы Уайльда *«Сфинкс»*, вышедшее тиражом всего в двести экземпляров. Раньше она была ближайшей подругой Оскара: он допустил ее в круг своих друзей за неподражаемое, блистательное остроумие.

Моэм приходил к Аде ровно в полночь, когда у нее в гостиной зажигались причудливые свечи в форме диких зверей. Якобы так требовала Леверсон. Но Лиза прекрасно поняла, что отец просто хотел во всем подражать Уайльду: тот тоже некогда приходил к Аде за полночь при таких же свечах.

Моэм пишет, что его связь с этой *«развратной старой кокеткой»* прекратилась, после того как он разглядел наконец-то ее *«мелочность»*. Реальный факт заключается в том, что отец Лизы, действительно, однажды написал Аде любовное письмо, изысканно обратившись к ней *«мой Сфинкс»*. Он надушил письмо лучшими духами и отправил с посыльным. С тем же посыльным Ада прислала ответ: им оказалось его же письмо, только в слове «Сфинкс» была исправлена орфографическая ошибка.

Откинувшись на подушки, Лиза против своей воли захохотала, хотя на самом деле ей хотелось плакать. Каков отец, а? Всем читавшим воспоминания Ады Леверсон было

известно, что только Уайльд называл ее Сфинксом. Она достойно и остроумно осадил Моэма.

Кстати, дальше он писал, что этим вульгарным жестом Ада напомнила его провинциальную тетку **Софи**: та тоже поправляла его при гостях за столом и всячески унижала. Моэм не пожалел свою несчастную тетку, которая воспитала его, прошелся и по ней тоже. Оказывается, Софи тайно воровала деньги у мужа, викария, и нередко наставляла ему рога. Моэм мальчиком якобы несколько раз следил за ней.

Семейная жизнь

Читать про то, какими красками отец описывал жизнь с ее матерью, Лиза просто физически не могла. Она пролиставала рукопись ледяными пальцами, пропуская страницы, и всхлипывала от обиды, как маленькая девочка.

Если отец так плохо относился к матери, то зачем все-таки женился на Сири в 1917 году? Она, Лиза, родилась двумя годами раньше, но тогда мать еще не получила развода у первого мужа.

Лизе бросилась в глаза фраза отца о том, что он, уже испытав на себе всю *«истеричность, склонность и злобную мелочность»* характера Сири, все же женился на ней, как подобает джентльмену. А мать рассказывала Лизе противоположное: что Моэм обрадовался беременности Сири и даже был непривычно нежен и внимателен к ней, пока она находилась в интересном положении.

Моэм утверждал, что после женитьбы начался его ад, его преисподняя. В чем же, интересно, заключался ад? Лиза горько усмехнулась. После того как отец обзавелся семьей, он по-прежнему пользовался полной свободой. Оставлял жену с дочкой в Лондоне, а сам путешествовал. Побывал в Греции, Египте, Испании, Швейцарии, Малайзии, на Яве, в Бирме, Китае...

Да где только не был! Моэм колесил по свету в поисках новых впечатлений и сюжетов для своих романов, рассказов и пьес. Он ведь никогда ничего не выдумывал, все его сюжеты фактически подсмотрены в замочную скважину. Он несколько месяцев прожил на Таити, чтобы написать свой роман о Гогене *«Луна и грош»*.

Кстати, отец упоминал, как на этом острове он увидел в одном из бедных домишек туземцев дверь, расписанную Гогеном. Как она там сохранилась - одному богу известно! Ведь аборигены давно распродали белым все, что осталось от Гогена, смекнув, какой на это спрос. Моэм сунул хозяину лачуги с бесценной дверью двести франков и без лишних слов принялся снимать ее с петель.

Сейчас Лиза вспомнила об этом потому, что дверь тоже была подарена ей отцом. Не так давно шедевр Гогена оценили в 37400 долларов. Теперь подарок Лизе больше не принадлежит...

Как бы то ни было, но отец неплохо проводил без семьи время! Пока он неделями, а то и месяцами отсутствовал, мать скучала, хандрила и не находила себе места: она действительно все еще любила этого сухаря!

А почему бы не прокатиться в Россию?

По словам Сири, уже через несколько месяцев после их свадьбы муж обрушил ей на голову известие о своей предстоящей поездке в Россию... секретным агентом! Она, конечно, не поверила такой дешевой уловке. Неужели он не мог придумать что-нибудь более элегантное?

Накануне отъезда Моэм спустился к обеду, впервые забыв надеть пиджак, и его глаза подозрительно блеснули. Миссис Моэм про себя подумала: неужели этот, в сущности, холодный человек способен так радоваться предстоящей встрече с женщиной?

Но откуда у него взялась женщина в России? Впрочем, почему бы и нет? Он столько ездит!

Самое любопытное - об этом Лиза узнала много лет спустя, - что все это оказалось вовсе не выдумкой! Летом 1917 года ее отец действительно отправился с секретной миссией в Россию. Об этом эпизоде своей жизни Моэм сам очень любил распространяться и часто рассказывал Лизе о том, как его завербовал в шпионы давний приятель, банкир и баронет сэр **Уильям Уайзман**, оказавшийся шефом британской разведки.

Моэм был поражен, узнав, что секретные службы часто обращались к услугам известных писателей, художников или артистов: на тех никогда не падало подозрение, они легко завязывали нужные связи.

-Я обожаю путешествия! - говорил Моэм. - И решил про себя: а почему бы не прокатиться в Россию? Я всегда, кстати, восхищался их писателями.

Ты не понимаешь, как важно быть нужным!

Разоренный, холодный, плохо освещенный Петроград, только что низложивший царя и переживший первую революцию, не понравился Моэму. Отец Лизы занятно рассказывал, как он мерз в отеле и думал - на кой черт его сюда принесло? Он тут умрет от скуки и отсутствия общества!

В чем заключалась его шпионская деятельность? По сути, он был просто связным. В его обязанности входило передавать через британское посольство с помощью специального шифра на родину сообщения особой важности от настоящих разведчиков. Англия была заинтересована в поддержке Временного правительства Керенского, потому что если власть возьмут большевики, Россия выйдет из войны, что Великобритании крайне невыгодно.

Чем кончилась его миссия? Ничем. Керенский, с которым Моэм по поручению своего начальства завязал знакомство, передал ему секретное письмо для британского премьера. К тому времени, как Моэм прибыл с письмом в Лондон, большевики уже смели правительство Керенского. Моэм очень огорчился по этому поводу.

Когда отец вспоминал про Россию, у него начинали блестеть глаза, и на бледном лице появлялся румянец:

-Я был нужен тогда! Вот почему я согласился поехать! Я был нужен стране, государству! Правительству, наконец!

У Лизы почему-то сохранилось в памяти, как он безнадежно махнул рукой и неожиданно печально произнес:

-Ты не понимаешь, как важно быть нужным.

Первый раз в жизни Лизе стало тогда вдруг жаль отца, хотя она совсем не понимала, что он имеет в виду.

Все - ложь!

...Она уже давно отшвырнула в угол журнального столика злополучную рукопись и нервно ходила по комнате. Бог с ними, с другими женщинами. В конце концов, ей разрывает сердце тот факт, что отец был так несправедлив к матери! Он пишет, что Сири бессовестно тянула из него деньги: на любовников, одежду, увеселительные поездки. Да ведь это ложь!

Когда через несколько лет мучений родители наконец расстались, Сири сама стала неплохо зарабатывать и совершенно ничего не требовала от бывшего мужа. Вот этот дом на Челси-сквер, где теперь живет Лиза со своей семьей, Сири отдала и украсила сама.

Она придумала белые интерьеры, это целиком ее изобретение: белые стены, белая мебель, белый камин, даже выбеленные цветы в вазах! Мать умудрилась ввести моду на

белые интерьеры по всей Англии, а во время Второй мировой войны перенесла ее и в Америку. Многие модные журналы стали заказывать ей статьи о том, как обустроить дом.

Вдруг Лизу поразила одна мысль: а может, это Алан науськал отца написать эту мерзость, чтобы опорочить семью в глазах общества? Алан ведь и есть шавка, которая носом чует хозяйское настроение и свою выгоду.

И тут Лиза как наяву увидела ледяные глаза отца и снова услышала его голос:

-Я всегда ненавидел и твою мать, и тебя!

Нет, это слишком! Она такого не заслужила!..

...Леди Хоуп нетерпеливо ждала встречи с адвокатом, мистером Дошем. Наконец тот явился. Лиза провела его в свой кабинет. Эта комната в отличие от других оставалась такой же белой, как при матери. Лиза заметила, что мистер Дош огляделся с некоторым недоумением. За роговыми очками светились маленькие, но цепкие и пронизательные глазки.

-Эта мебель и интерьер в память о маме, - зачем-то объяснила Лиза.

Удостоверившись, что Лиза ознакомилась с *«последним шедевром отца»*, Дош подтвердил: догадка Лизы верна, и именно секретарь Моэма, Алан Серл, настаивает на публикации воспоминаний, если их можно так назвать. Серл уже продал эту рукопись за кругленькую сумму...

Однако когда издатель Фрир прочел ее, он отказался это печатать, что становится ясным из приложенной записки.

Жиголо Джеральд Хакстон

- Миссис Хоуп, я не случайно позволил себе такую ужасную бестактность, заставив вас прочесть то, что, несомненно, причинило вам боль. Сейчас вы все поймете. Однако прежде ответьте мне на один вопрос: вы заметили, что вся эта, с позволения сказать, писанина, столь отличная от великолепной прозы мистера Моэма, проникнута совершенно отчетливым духом женоненавистничества? - поинтересовался Дош, раскуривая свою трубку,

- Да, пожалуй, - согласилась Лиза. *- Мужчин отец как-то щадит.*

- Тогда, миссис Хоуп, у меня еще один, совсем уж бестактный вопрос, и прошу вас заранее извинить меня: вы знали, что ваш отец гомосексуалист?

Лиза смутилась и отвернулась к камину, чтобы Дош не видел ее лица. Внутренне она смеялась сама над собой: все эти дни она только и думала, что об отце, об их отношениях с матерью, и в своих мыслях старательно обходила самое главное, вернее, самое болезненное.

Знала ли она о гомосексуализме отца? Увы, еще как знала! И все вокруг тоже были прекрасно осведомлены об этой стороне его жизни.

Что пришлось из-за этого вытерпеть матери Лизы! Лиза прекрасно помнит один из уик-эндов в их лондонском доме. Отец давным-давно навещал их лишь изредка. Приезжая, он неловко совал Лизе подарки и гладил как-то мимо головы. Он привозил то беличью шубку, купленную в Швейцарии, то калейдоскоп, приобретенный в Китае, то украшения из Индии...

Тогда был день рождения матери Лизы, и той вдруг вздумалось пригласить своего бывшего мужа; его друга **Джеральда Хакстона**, известного лондонского хирурга, с женой; **Фрэнки Ливсона** - учителя танцев принца Уэльского; еще каких-то людей...

Сири была само обаяние и покладистость. Чутьем ребенка Лиза знала, что мать хочет примириться с отцом. Моэм был в дружелюбном и веселом настроении, охотно выпивал и шутил, даже разрешил Лизе забраться к нему на колени. Она видела, что Моэм все время находится рядом с молодым человеком примерно в два раза его моложе по имени Джеральд Хакстон.

Мать объяснила Лизе, что это - литературный секретарь ее отца. Джеральд был рябоват, с серыми бегаящими глазками и дрожащими руками, он совершенно не понравился Лизе. Мать почему-то все время старалась сказать этому Хакстону что-нибудь любезное, а так как сказать было особенно нечего, то Сири то и дело повторяла, что мистер Хакстон *«делает лучшие в мире коктейли»*.

Было совсем поздно, когда отец Лизы исчез. Сири забеспокоилась и отрядила дочь на поиски.

-Приведи папу ко мне, - попросила она. Лиза зашла в музыкальную гостиную - отца нет: заглянула в китайскую комнату - нет; в бильярдной пьяный Фрэнки Ливсон сражался сам с собой. Лиза наткнулась на комнату для гостей и замерла: почему-то ее потянуло войти сюда. Она тихо толкнула дверь и увидела совершенно голого отца. Джеральд Хакстон тоже лежал обнаженным.

Лиза опрометью бросилась по коридору. Инстинкт подсказал ей, что происходило. Но как сказать об этом матери?! Лиза уселась в китайской гостиной и сделала вид, что занята калейдоскопом. Сири позвала ее. Девочка притворилась, что не слышит.

-Ты нашла папу? - наконец сердито спросила мать. И Лиза неожиданно для себя позорно расплакалась. Сири мгновенно все поняла. Она велела Лизе идти в свою комнату и заперлась в спальне...

Потом уже Лиза узнала, что этого бессовестного жиголо Джеральда Хакстона Моэм встретил во время Первой мировой войны на фламандском фронте, где он недолго служил переводчиком с французского. Писатель сделал молодого человека без определенных занятий своим секретарем и больше никогда не пожелал с ним расставаться: поселил в своем доме, таскал за собой повсюду...

Хакстон был из разряда тех общительных болтливых красавчиков, которыми так восхищался Моэм в своей прозе и к которым сам он явно никогда не принадлежал даже в молодости. Моэм часто упоминал, что Джеральду ничего не стоило разговаривать и завести дружбу с первым встречным на корабле, в клубе, в баре или гостинице, и только через него замкнутый чопорный Моэм мог познакомиться с таким несметным числом людей. Джеральд умел вытянуть из незнакомца самые интимные истории - любовные криминальные - всякие. Они служили Моэму материалом для его работы.

Дош сверлил Лизу своими пронзительными глазками.

- Так, значит, вы знали правду про вашего отца, миссис Хоуп, - утвердительно произнес Дош.

- Да, - выдавила из себя леди Хоуп, не отрывая взгляда от горящих в камине углей, словно они гипнотизировали ее.

Дош удовлетворенно кивнул.

Вилла «Мореск» на Французской Ривьере, или Еще одна отцовская тайна

- Скажите, леди Хоуп, а вы знали, почему, собственно, ваш отец, такой патриот Англии, десятки лет прожил на Ривьере? - спросил адвокат.

Лиза покачала головой. А что в этом удивительного? Просто отцу всегда нравился климат южной Франции, он там хорошо себя чувствовал.

- Нет! - заговорщицки подмигнул Лизе Дош. *- Тут дело в другом!*

Оказывается, собирая сведения о Хакстоне, Дош выяснил, что во время Первой мировой войны, когда Джеральд был еще членом британского санитарного отряда, военная полиция накрыла его в номере гостиницы с поличным: Хакстон занимался любовью с женщиной. После этого в соответствии с непримиримым британским законом Джеральду Хакстону навсегда был запрещен въезд в Англию. Поэтому только ради любовника Моэму пришлось построить виллу «Мореск» на Французской Ривьере и перебраться туда на постоянное жительство.

Лизу поразило это известие. Она всегда считала отца исключительным эгоистом. Значит, ради кого-то, к кому Моэм был по-настоящему привязан, он оказался готов кое-чем пожертвовать?

Знаменитая вилла «Мореск»... Любовь и гордость Моэма! Мраморные каминные во всех восьми спальнях, испанская мебель и резные канделябры. Кухарка, две горничные, дворецкий, лакей, шофер и семеро садовников... И все это - чтобы угодить прихоти двух любовников, желающих наслаждаться комфортом.

Моэм построил виллу в 1927 году и живет в ней до сих пор. Хакстон умер почти двадцать лет назад, однако отец никуда отсюда не переехал. Смерть этого проходимца Хакстона стала для Моэма страшным ударом, да и для Лизы тоже, хотя по другой причине.

Она никогда не забудет заупокойную службу по Хакстону в Нью-Йорке, на Мэдисон-авеню. Был 1944 год, ее семья и отец со своим секретарем жили в Америке, переживая войну. Хакстон умер в пятьдесят два года, официально - от запущенного туберкулеза, а скорее всего - от неумеренного пьянства.

Лиза всей душой ненавидела секретаря, и ей отчаянно не хотелось идти прощаться с ним, но ради отца она пересилила себя, оделась в траур и отправилась. На службе присутствовало много друзей Моэма. Лиза украдкой наблюдала за отцом: он стоял прямой, холодный и неуязвимый, как всегда. Шляпа, трость, высокомерный взгляд - это ее отец.

И вдруг в середине службы, когда на секунду вдруг наступила полная тишина, Лиза услышала чьи-то сорвавшиеся и явно долго сдерживаемые отчаянные рыдания.

- *Неужели какой-нибудь час нельзя держать себя в руках?* - раздраженно подумала леди Хоуп. Быстро обернувшись, она обнаружила, что рыдает не кто иной, как ее собственный отец!

Лицо Моэма было перекошено от боли, Лиза никогда не видела у отца таких отчаянных, страдальческих глаз: из них текли слезы! Смущенно опустив голову, она пробралась к отцу и участливо тронула его за рукав. Он машинально и безразлично отстранил дочь, словно она была неодоушевленным предметом.

Позорно оказаться способным только на дочь!

После службы Моэм сухо отказался от приглашения поехать к Лизе. Приблизив к ней все еще искаженное болью лицо, он вдруг почти враждебно выпалил:

- *Да и чем ты можешь мне помочь? Ты же мне не заменишь его!*

Дома с Лизой случилась истерика. Она ведь знала, что на самом деле отец никогда по-настоящему не любил ее! Что она ничего для него не значила. Все его подарки ей были не более, чем дань правилам хорошего тона.

Лизе передавали, что после ее рождения Моэм говорил в обществе, что *«позорно оказаться способным только на дочь!»* Тем не менее, она всю жизнь старалась заслужить его любовь, не замечая равнодушия и проглатывая обиды, а отец предпочитал этого подонка Хакстона, который пил, как извозчик, обирал его, обманывал и изменял при каждом удобном случае. Они с мамой оказались недостаточно хороши для знаменитого писателя Моэма, а этот прихлебатель - вполне хорош.

После смерти Джеральда Моэм почти сразу взял себе нового секретаря - этого толстого и омерзительного Алана Серла, моложе его на тридцать лет. Если Джеральд был нагл и резок, то Алан - фальшив, уклончив и жаден. Он рядом с отцом Лизы уже почти двадцать лет. Моэм треплет его по щеке, заигрывает, любезничает, а тот пресмыкается перед ним!

Болезненные воспоминания, накопившиеся обиды...

Эта беседа с адвокатом пробудила в душе Лизы самые болезненные воспоминания, связанные с отцом. Столько лет она подавляла копившуюся обиду, но, оказывается, эта обида никуда не исчезла, а просто притаилась глубоко внутри.

На самом деле отец оскорблял Лизу не раз. Например, он почему-то ненавидел ее детей! Полгода назад, когда леди Хоуп с детьми гостила на вилле, Моэм сделал вид, что не узнает Лизиного старшего сына - **Николаса**.

- *А это что за юноша?* - спросил он, высоко поднимая брови.

Когда Лиза забеременела во второй и потом в третий раз, отец писал ей гадкие письма с вопросами, сколько еще раз она собирается удовлетворять свои самочки инстинкты! Всякий раз перед ее родами он заводил с Лизой странный и весьма неуместный разговор о том, что будет, если она вдруг умрет.

...Зачем Дош мучает ее этими вопросами, заставляя вспоминать то, о чем лучше всего забыть?!

Что делать? Как поступить?

Адвокат догадался по расстроенному и ставшему вдруг детским лицу леди Хоуп, о чем она думает.

- *Прошу еще раз извинить меня за бестактность, миссис Хоуп, но в чем заключается наша с вами задача? В том, чтобы, во-первых, опротестовать в суде усыновление секретаря вашего отца и, во-вторых, вернуть вам законное наследство. Для решения первой задачи будет совершенно достаточно доказать, секретарь вашего отца Алан Серл - его любовник. Как только это будет доказано, даже французский суд немедленно признает усыновление недействительным. Про английский и говорить нечего, тут в этом отношении еще более суровые законы.*

Дош выжидательно смотрел на Лизу. А ею овладела внутренняя паника: выставлять на всеобщее обозрение такие вещи! Как бы она ни относилась к отцу, каковы бы ни были их отношения, но это бросит тень на всю их семью!

Допустим, многие знают или догадываются об истинных склонностях Моэма, но это одно дело, однако выносить все на обсуждение в суд - уже совсем другое! Страшно себе представить, какую мировую сенсацию раздует из этого пресса! А как отнесутся к этому читатели Моэма?

- *Мистер Дош, - резко повернулась к адвокату Лиза. - Но ведь мы с вами говорили о Джеральде Хакстоне. Его уже нет в живых. Как вам известно, нынешний секретарь отца - Алан Серл. Что касается меня, то я никогда не замечала ничего предосудительного в их отношениях друг с другом...* - в голосе Лизы прозвучала беспомощность.

Дош посмотрел на нее сочувственно:

- *Я отлично понимаю ваши эмоции, миссис Хоуп. Однако у меня уже есть свидетель, который согласен подтвердить факт интимных отношений вашего отца с его теперешним секретарем. Впрочем, он не может доказать это прямо, так как не был лично свидетелем... этих отношений, поэтому показания дочери касательно известного ей прошлого отца существенно подкрепит в глазах суда его аргументы.*

- *Кто же этот свидетель?* - опустив глаза, тихо спросила Лиза, нервно покручивая обручальное кольцо на пальце.

- *Мистер Озон. Вам знакомо это имя?* - отозвался Дош.

Попытки написать биографию при жизни

Лизе это имя было знакомо. Озон был одним из нескольких биографов ее отца. Он мечтал выпустить монографию о жизни и творчестве Моэма при жизни писателя. Провел в беседах с ним в целом около года. Однако когда Моэм ознакомился с первым вариантом

рукописи, он запретил это публиковать, обвинив Озона в том, что тот намеренно искажил факты.

Точно так же Моэм поступил с несколькими другими литераторами. Один из них все-таки напечатал свой труд о жизни Моэма, но отец Лизы не поленился поместить в прессе опровержение, написав, что в биографии нет ни слова правды.

Лиза прекрасно знала за отцом эту особенность - одно и то же событие своей жизни рассказывать по-разному в зависимости от настроения. Что же касается мистера Озона, то он не ограничился воспоминаниями самого писателя, дотошно собрал свидетельства буквально сотен людей, знавших Моэма: от дальних родственников до одноклассников.

Кстати, именно Озон откопал любопытные сведения о детстве Моэма, кое-каких подробностей не знала даже Лиза. На самом деле всегда, когда миссис Хоуп начинала думать о детстве и юности своего отца, ей становилось его жаль. Кстати, многие факты своего детства Моэм почти буквально описал в романе *«Бремя страстей человеческих»*.

Неужели этот Озон на суде будет рассказывать о гомосексуальных связях Моэма? А ведь биограф, несомненно, нашел немало материала по этому поводу, просто не мог не найти. И не только касательно Алана Серла.

Окончательное решение

Как бы то ни было, но ее отец в первую очередь - выдающийся писатель, человек, всего добившийся своим трудом и талантом. Разве достойно теперь перетряхивать перед всем миром его «грязное белье»?

..Лиза молчала так долго, погрузившись в свои мысли, что адвокат Дош напомнил ей о своем присутствии, деликатно кашлянув. Он ждал ее ответа. Лиза встала с кресла и сцепила на груди руки.

- *Мистер Дош, я приняла окончательное решение. Мы не будем на суде упоминать про... наклонности моего отца. Я не могу этого позволить. Даже если я проиграю дело - пусть. Это все равно лучше, чем... Если можете, то я просила бы вас найти другую линию защиты моих интересов.*

..Суд между Лизой Хоуп и ее отцом Уильямом Сомерсетом Моэмом состоялся 3 июля 1963 года в Ницце. Леди Хоуп оспаривала усыновление Алана и лишение ее наследства. Лиза держалась спокойно и заявила суду, что она прощает отца, даже если решение будет принято не в ее пользу.

Адвокату Дошу удалось убедить судью, что решение усыновить секретаря Алана Серла было принято престарелым, не вполне адекватным человеком, у которого уже иногда проявлялись признаки слабоумия. Что касается дочери Моэма, то за всю жизнь писатель написал ей сотни писем, которые подписывал неизменно: *«твой любящий отец»*. Стало быть, находясь в здравом уме и твердой памяти, Моэм только Лизу считал своим единственным ребенком.

Наконец огласили приговор. Усыновление Сомерсетом Моэмом Алана Серла было признано недействительным. Суд признавал Лизу единственной наследницей писателя. Согласно французским законам - а суд происходил на территории Франции - законнорожденный ребенок не может быть лишен права наследования.

...Волнуясь, леди Хоуп торопливо шла по дорожке к дому отца. У стеклянной двери на нее наткнулся Алан и тут же, как крыса, юркнул в сторону. Но леди Хоуп изменила свое отношение к нему.

Какой бы ни был этот Алан, он целых двадцать лет терпел все выходки отца, его капризы, дурной характер. А сейчас, когда у отца действительно проявились признаки старческого слабоумия и он все чаще впадал то в детство, то становился агрессивным,

Алан терпеливо ходил за ним, как за ребенком. Конечно, он надеялся, что Моэм отпишет ему значительную часть наследства, но, как бы то ни было, по-своему этот человек был предан ее отцу.

Леди Хоуп быстро поднималась по мраморным, до блеска вымытым ступенькам в кабинет Моэма. Дверь была приоткрыта. Боже, какую душераздирающую картину она застала! Ее старый отец прижимался лбом к стеклянной рамке фотографии своей матери и жалобно повторял:

-Мамочка, возьми меня к себе. Мамочка, возьми!

По сморщенному лицу старика градом катились слезы.

P. S. Уильям Сомерсет Моэм умер 16 декабря 1965 года в возрасте девяноста одного года в больнице в Ницце от пневмонии. По французским законам пациентов, умерших в больнице, полагалось подвергать вскрытию, но его отвезли домой и 16 декабря официально сообщили, что он скончался дома, в своей вилле, которая и стала его последним пристанищем.

Своему секретарю Алану Серлу Моэм завещал пятьдесят тысяч фунтов, всю обстановку виллы «Мореск» и авторские отчисления от публикации своих сочинений. Все остальное он оставил леди Хоуп.

Могилы как таковой у писателя нет, поскольку его прах был развеян под стеной Библиотеки Моэма при Королевской школе в Кентербери. Можно сказать, так его увековечили, воссоединив навсегда с делом всей его жизни.

Литература:

1. Ионкис Г. Э. Сомерсет Моэм: Грани дарования:

<http://www.gramotey.com/books/1269046771.htm>

2. Колдер Р. Уилли: Сомерсет Моэм: жизнь и творчество /Сокр. пер. с англ. Е.Н. Логинова.- М.: Интердиалект, 2001.

3. Лу П. Уильям Сомерсет Моэм: Бремя страстей/ Пэгги Лу//Караван историй. 2007.- №4. Стр. 254-284.

4. Морган Т. Сомерсет Моэм. Биография/ Тэд Морган.- М.: Изд-во И.В. Захаров, 2002.

